

УДК 81'37

РОЛЬ САМОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Н.А. Корепина

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск

Категория самости репрезентирует семантику внутреннего мира человека, всевозможные проявления «Я» человека в языке. Отмечается чёткая связь и взаимообусловленность человека, его «Я» и его эмоций (как положительных, так и отрицательных), что находит подтверждение в анализе языкового материала.

Ключевые слова: категория самости, Я человека, эмоции, эмотивность, экспрессивность, оценочность, интенсивность, эмоциональность.

В современных условиях развития языков, широкой интеграции и взаимного обогащения культур вопросы, связанные с внутренним и внешним миром человека, его психологической и социальной сущностью, Я, самостью в их лингвистически релевантной значимости, являются особенно важными. Примечательно, что характерной особенностью лингвистических исследований является изучение языка как *антропологического* феномена, обуславливающего рассмотрение многоаспектности человеческого бытия и его отражения в речи. Современная наука требует тщательного анализа всего, что выражено в человеческом языке, и представляет собой информацию, которая была воспринята и хранится в сознании человека, включая практические и житейские знания, отражающие жизненный опыт индивида, его внутренний субъективный мир. Более того, посредством языка человек отражает окружающий его мир, что неразрывно связано с психикой, эмоциями и сознанием индивида.

Категорией, репрезентирующей семантику внутреннего мира человека, всевозможные проявления Я человека в языке, является категория самости. В настоящей статье мы предпринимаем попытку проследить влияние категории самости, отражающей внутренний мир человека, его Я, на формирование эмоциональной картины мира. Человек является не только репрезентирующим и концептуализирующим организмом, но и существом мыслящим и творящим. По мнению Г.М. Костюшкиной, человек говорящий и думающий, эмоционально осмысливая реальную действительность, устанавливает причинно-следственные связи между явлениями объективной реальности, приобретающими в результате такой работы мысли субъективный характер [4].

Важно подчеркнуть, что представления человека об окружающем мире отражаются в языке. Более того, человеческие чувства и эмоциональные состояния являются физиологической и психической реакцией на окружающий мир и непосредственно связаны с когнитивной деятельностью человека. Следовательно, воспроизвести язык в его реальности и построить адекватное описание языковой системы невозможно без учёта эмоций человека – субъективного фактора. В последнее время изучение проблемы взаимодействия языка и эмоций становится всё более актуальным. Так, отражая в языке такой фактор, как вербализованные эмоциональные реакции, состояния и отношения говорящих субъектов к миру, к самим себе в этом мире, категория эмотивности является одной из важнейших характеристик лексикона.

Следует отметить, что человек выражает свои эмоции как вербально (с помощью лексики, фразеологии, междометных единиц, особой интонации, порядка слов), так и невербально (с помощью мимики, жестов, поведенческих реакций, внешних физиологических изменений). Наблюдается чёткая связь и обусловленность самости человека и его эмоций, поскольку индивид посредством самосознания, т.е. самости, выделяет и отличает самого себя, а также даёт самооценки своей деятельности и своей самости, т.е. эмоционально характеризует себя, своё Я и свои отношения с окружающим его миром. Человек строит не только теорию самого себя, такого, какой он есть сегодня в действительности, но и теорию идеального Я, такого, каким человек желает быть в будущем, проявляя себя через эмоции в материальной, духовной, социальной и других сферах жизни.

Традиционно эмоции делятся на *базовые*, или *основные* (эмоции интереса, радости, удивления, печали, гнева, отвращения, презрения, страха, стыда, смущения, вины и любви) и *второстепенные* [3]. Очевидно, базовые эмоции психологически наиболее значимы в жизни человека. Именно они часто являются руководителями наших действий или их следствием. Любая эмоция объективно обладает знаком, т.е. принадлежит к одной из трёх групп: *положительным* (*позитивным*), *отрицательным* (*негативным*) или *амбивалентным* эмоциям. В среднем, сила переживания отрицательных эмоций выше, чем сила положительных эмоций. К. Изард полагает, что это свидетельство того, что субъективная оценка (*плюс* или *минус*) определяется разными типами ситуаций и вызывается раздражителями разной силы. В основе любой отрицательной эмоции лежит дискомфорт, который тут же регистрируется, в то время как комфорта может быть достаточно, а может быть недостаточно для удовольствия [цит. раб.: 171]. Это объясняется тем, что человек воспринимает и познаёт самого себя, а восприятие и познание связаны с ядром его личности, с его самостью. Чем больше эта связь, тем в большей степени включаются разнополярные чувства, эмоции. Так, примерами самостных слов, выражающих положительные эмоции, являются: *self-admiration*, *self-approbation*, *self-gratification*, *self-loving*, *self-praise* и другие, а отрицательные эмоции выражены словами: *self-abasement*, *self-abhorrence*, *self-blame*, *self-dislike*, *self-humiliation*, *self-mortification*, *self-pity* и т. п. В следующем примере самость героини выражается словом *self-love*, которое передает положительную эмоцию – любовь по отношению к себе в самом лучшем смысле этого слова и проявлении, самооценку своей личности: (1) *In an act of self-love (in the best sense) she insisted on her wholeness and her perfection (Townsend)*. В примере (2) мы наблюдаем отрицательные эмоции, заключённые в слове *самоуничтожение*, раскрывающем внутреннее состояние человека, оценочное отношение к себе самому, своей самости: (2) *Я обошел свой столик и стал лицом к ним, – пиво ляпало на мрамор, я не мог высвободить большого пальца, запутавшегося в ручке кружки, – хмельной, я разразился признаниями: самоуничтожение и заносчивость слились в одном горьком потоке (Олеша)*.

Уникальность эмоций сравнительно с другими объектами номинации обнаруживается, прежде всего, в многообразии и богатстве языковых средств их выражения, которые включают соответствующую лексику, фразеологизированные синтаксические конструкции, особую интонацию, порядок слов. Подобно лексике, фразеология содержит богатейшие средства речевой выразительности, придаёт речи особую экспрессию и неповторимый национальный колорит. Выразительность языка во многом зависит от его фразеологии. Так, выражение *себе на уме* принадлежит к тому типу устойчивых, застывших, употребляющихся в готовом виде фразеологических оборотов, значение которых не может быть выведено из

значений составляющих его единиц [6]. Однако компонент *себе* в образе фразеологизма выражает смысл осуществления деятельности, направленной на утверждение самости, на удовлетворение собственных интересов. Важно подчеркнуть, что говорящий, приписывая тому или иному лицу признак *себе на уме*, не только характеризует его самость соответствующим образом: *человек умело скрывает свои чувства, мысли и намерения*, но и даёт ему сдержанно отрицательную оценку. В данном случае мы имеем дело с качественным признаком, который измеряется по степени интенсивности (*слегка, немного, немножко, слишком* и т.п.): (3) *Интересная женщина, но слишком себе на уме* (Леонов, Макеев), а также соотнесён с некоторой средней (умеренной) степенью его проявления, что свидетельствует о наличии в нашем подсознании нормы этого признака, превышение которой исключает возможность доверия и положительного отношения к его носителю. Такая характеристика-оценка дается обычно «за глаза» тому, кто её не слышит, не участвуя в диалоге, третьему лицу, о котором говорят в его отсутствие. Можно заключить, что фразеологизмы отличаются от синонимичных слов и описательных оборотов нюансами образного значения и экспрессией.

Как было отмечено, к базовым эмоциям относится эмоция *вины*, хотя она и не имеет отчетливого мимического или пантомимического выражения, как в следующем примере: (4) *He started to blame himself – he must be making the wrong decisions, not treating his customers well enough, not keeping a sharp enough eye on profit margins* (Davies). Анализируя пример (4), необходимо заметить, что эмоция *вины* завуалирована работой, происходящей внутри человеческого Я, то есть самости. Отрицательность данной эмоции усиливается наличием в предложении стилистического приема повтора отрицания (*not*) и наречия *enough*. Впрочем, разграничение эмоций *стыда, застенчивости, вины* и возможность отнесения их к фундаментальным эмоциям представляет особую проблему. Эти эмоции являются базовыми, поскольку они – неотъемлемые элементы человеческой природы.

Бытует мнение, что каждая эмоция имеет специфическое звуковое выражение, что демонстрируется в следующем примере: (5) *И почему ты все время говоришь о себе? Только и слышу: я, я, я!* «–» *Подожди, – прошептала она и, видимо, делая над собой усилие, встала с кресла* (Муравьева). В примере (5) эмоция негодования, возмущения, неприязни выражается не только лексическими средствами выражения категории самости (*о себе; я,я,я*), повтором некоторых звуков (*я, я, я*), но и с помощью вопросительной и восклицательной интонации. Более того, читая данный пример, мы «слышим» контраст интенсивности, громкости звучания речи героини (сравните: *все время говоришь о себе? Только и слышу: я, я, я!* и *Подожди, – прошептала она*). Данная эмоционально окрашенная лексика активизирует у реципиентов соответствующие индивидуальные ассоциации, задействует эмоциональное сопереживание, эмпатию слушателей. Подобный механизм воздействия характерен и для метафор.

Эмоциональные проявления обладают и некоторыми другими характеристиками, которые, однако, не имеют определяющего значения для отнесения эмоции к разряду базовых. К числу таких характеристик относится, например, интенсивность переживания или контролируемость эмоций. В процессе социализации человек обучается сдерживать, подавлять некоторые формы эмоционального реагирования. При определённых условиях, например в случае внезапной угрозы, большой опасности, бывает крайне трудно сдержать или подавить соответствующую эмоциональную реакцию. Есть и такие эмоциональные проявления, которые почти не поддаются контролю независимо от обстоятельств. Важно отметить, что

причины возникновения базовой эмоции, как правило, универсальны. Так, угроза реальной опасности вызывает страх у представителей самых разных культур.

Следующий пример интересен тем, что производные слова с префиксом *self-*, выражающие самость человека, положительны по значению, однако, рассматриваемый пример пронизан такой отрицательной эмоцией, как ненависть к себе. Посмотрим, как автор достигает такого эффекта: (6) *What was I? In the midst of my pain of heart and frantic effort of principle, I abhorred myself. I had no solace from self-approbation: none even from self-respect. I had injured-wounded – left my master. I was hateful in my own eyes (Bronte)*. Этот пример представляет Я-высказывание, где Субъект и Объект оценки и эмоции совпадают. Несмотря на то, что слова *self-approbation* и *self-respect* выражают положительные эмоции *одобрения* и *восхищения*, доминирующая эмоция этого примера – *ненависть*. Негативность примеру придает использование рефлексивного глагола (*to abhor oneself*) со значением *питать отвращение к себе; ненавидеть себя*, повторы личного местоимения *I*, характеризующего и обозначающего самость героини, отрицания (*no, none*), риторический вопрос о сущности самости героини (*What was I?*). Очевидно, что самооценка Субъекта оценки заниженная, так как человек с завышенной самооценкой вряд ли будет говорить о том, что он ненавидит себя и не уважает себя. Последнее Я-предложение примера: *I was hateful in my own eyes* – тому свидетельство. Таким образом, пример (6) демонстрирует одновременно как эмотивность в высказываниях героини о себе, так и экспрессивность, оказывая нарастающее эмоциональное воздействие на читателя.

Эмотивность создается посредством использования в речи *эмотивов*, т.е. лексических единиц, которые способно кодифицировано выражать типизированные эмоциональные отношения говорящих [11: 25], эмотивных предложений, которые И.И. Намталишвилли определяет как «особые, подчас идиоматичные структурные образования, имеющие целью передать не столько основное содержание сообщения, сколько субъективно-оценочное, эмоционально-окрашенное отношение к предмету мысли» [5: 4]. Более того, *эмотивность* может быть как искренней, так и *псевдоэмотивностью*, т.е. имитацией переживания какого-либо эмоционального состояния, которое в действительности человек не испытывает. *Эмотивность* и *экспрессивность* тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Так, *эмотивность* можно рассматривать как форму оценки субъектом объекта или явления окружающей действительности, а *экспрессивность* как рекомендацию адресату действовать в соответствии с этой оценкой. Таким образом, обе категории связаны с *оценочностью* [1]. Для обозначения меры проявления экспрессивности, эмоциональности и оценочности в тексте используется понятие *интенсивности*. Характеристикой интенсивности в количественном отношении является «интенсема» – любая отдельная языковая манифестация увеличения/уменьшения степени экспрессивности [9: 12]. *Интенсивность* связывается с мерой количества, т.е. количественной характеристикой признака. Так, И.И. Туранский понимает под *интенсивностью* «семантическую категорию языка», имеющую в своей основе «понятие градации количества в широком смысле этого слова». Анализируя его определение, важно подчеркнуть, что *интенсивность* являет собой некую «количественную меру оценки качества, меру экспликативности, показатель содержания коммуникации». Однако, с другой стороны, *интенсивность* выступает в качестве меры количества экспрессивности, меры «эмоциональности, оценочности, сигнализирующей градуальность» [8: 3: 22]. Таким образом, категория *интенсивности* имеет двойственную природу. С одной стороны, она имеет онтологический статус

как категория, лежащая в рамках количественных отношений, т.е. характеризуется наличием внеязыкового референта. С другой стороны, получая характер выделенности, она переключается на коннотативный уровень языка и речи [7: 38], взаимодействуя с названными субъективно-прагматическими категориями: *экспрессивность*, *эмотивность*, *оценочность*.

Л.Я. Герасимова связывает *интенсивность* с категорией количества, полагая, что *интенсивность* выражает усилительность, а также обозначает один из видов количественной характеристики признака, процесса [2: 17]. Например, из толкований словарей следует, что *self-esteem* (*самоуважение*) выражает менее интенсивный признак по сравнению с *self-admiration* (*самовосхищение*). С другой стороны, согласно О.Е. Филимоновой [10: 225–227], первое слово (*self-esteem*) – рационально, а второе (*self-admiration*) – эмоционально. Первое отражает рациональный мир, а второе – эмоциональный. Более того, *экспрессивность* обеспечивает способность любой языковой единицы выражать субъективное отношение говорящего, а также позволяет автору текста «усилить эмоциональное воздействие на собеседника, иными словами, увеличить перлокутивный эффект... высказывания» [1: 42], как в следующем примере: (7) *He himself rose early to talk with his Father and listen to his voice in prayer (Kureishi)*. В примере (7) автор усиливает эмоциональное воздействие на реципиента посредством усилительного местоимения (*himself*), подобно русскому определительному местоимению *сам*, которое служит для обособления лица или предмета речи, выделения, подчёркивания его самостоятельного существования и самостоятельной роли в чём-нибудь. Как видно из примера, синтаксическая функция усилительного местоимения *himself* – функция приложения, служащего определением личных местоимений или существительных и указывающего, что лицо действует не с другими, без помощи других. Коммуникативно-прагматической целью интенсификации, таким образом, является стремление говорящего сделать высказывание более убедительным для собеседника, усилить его воздействие на адресата.

Итак, функциональный аспект *интенсивности* и *экспрессивности* совпадают и для них характерно: 1) усиленно-выделяющее воздействие на адресата; 2) субъективный выбор адресантом как экспрессивных средств, так и средств интенсификации высказывания; 3) наличие сопутствующих показателей, характеризующих эмоциональность и оценочность. *Интенсивность* играет важную роль в создании *экспрессивности*, представляющей собой внешнюю выразительную сторону высказывания, в описании которой участвуют разнообразные языковые средства, такие как: инверсия, образность, стилистически окрашенная лексика, усилительные местоимения, повторы и т.д. Подводя итог сказанному выше, заключим, что категория самости играет важную роль в формировании эмоциональной картины мира человека и реализуется посредством таких категорий, как *эмотивность*, *экспрессивность*, *оценочность* и *интенсивность*, поскольку язык одинаков для всех и различен для каждого, прежде всего, в сфере его эмотивности, где диапазон варьирования и импровизации семантики языковых единиц в сфере их самостоятельных, личностных эмотивных смыслов наиболее широк и многообразен. Индивидуальность, личность, самость, как известно, проявляется в деятельности, делах, в том числе и речевой деятельности, «ибо слово – тоже дело» [11: 60]. Категория самости в языке обладает эмоциональностью. Эмоции пронизывают жизнь человека, сопутствуют любой его деятельности, они – важнейшая сторона человеческого существования. Если есть понятия важности, значимости, базовости эмоции, то они сконцентрированы в общественном опыте и отражены в сознании индивида, а,

следовательно, и в языке. *Эмоция* является ядром языковой личности, а рефлексия, *самость* – ядром её сознания, поэтому проблема «человека в языке», а, следовательно, и проблема эмоций человека в языке – не только лингвистическая проблема, но и проблема смежных наук, таких как философия, психология, антропология. Категориальный механизм мышления человека моделируется через его язык. Языковая категория самости как категория ментального порядка не может носить объективный характер, она *субъективна*, поскольку её *творцом* и *архитектором* является говорящий, думающий, чувствующий и проявляющий эмоции субъект.

Список литературы

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
2. Герасимова Л.Я. Усилительные наречия в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970. 26 с.
3. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2007. 460 с.
4. Костюшкина Г.М. Категоризация опыта в языковых системах // Язык в синхронии и диахронии: Тез. докл. Петрозаводск: КГПУ, 2001. С. 39–40.
5. Намталишвили И.И. О некоторых эмоциональных конструкциях современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1971. 176 с.
6. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.
7. Сафонова С.С. Местоименно-союзные предложения с семантикой интенсивности в языке современной прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 23 с.
8. Туранский И.И. Средства интенсификации высказывания в английском языке: учеб. пособие. Куйбышев, Изд-во: КГПУ, 1987. 76 с.
9. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке: Монография. М.: Высшая школа, 1990. 172 с.
10. Филимонова О.Е. Рациональное и эмоциональное в репрезентации чувств (на материале английского языка) // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб: Тригон, 2000. С. 225–227.
11. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. 240 с.

THE SIGNIFICANCE OF SELF IN THE EMOTIONAL WORLDVIEW CREATING

N.A. Korepina

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

The category of Self represents the semantics of a person's inner world, all possible manifestations of a person's I in the language. It is observed that there is a distinct connection and interdependence of a human being, his I and emotions (both positive and negative ones) proved by the language analysis.

Keywords: *the category of Self, I, emotions, emotivity, expressiveness, evaluativity.*

Об авторе:

КОРЕПИНА Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедры иностранных языков Иркутского национального исследовательского технического университета, e-mail: cosmir@yandex.ru